

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертационную работу
Агеевой Натальи Николаевны

«Научно-педагогическая и общественно-публицистическая деятельность
С.Ф. Фортунатова в конце XIX – начале XX вв.», представленную на соискание
ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 07.00.02 – отечественная история.

Изменения, происходящие ныне в исторической науке, связаны с попытками историков понять смысл гуманитарных штудий как органической целостности. Наблюдается процесс саморефлексии профессиональной историографии, по поводу ее истоков, источников нарративности в историческом письме и т.д. Историки обращаются к истории своей дисциплины, стремясь понять не только представлявших ее ученых, но и осмыслить их творчество и деятельность в контексте их же современности. Сопряжение контекста повседневности и контекста деятельности конкретных людей позволяет приблизиться к пониманию того, как ставились задачи общественной практики, научного исследования и преподавания конкретным гуманитарием.

Преодолеть дистанцию между «деланием» конкретных исторических текстов (исследовательских и культурно-просветительских) и рассуждениями о достижениях и промахах того или иного автора возможно в том случае, если исследователь совмещает в исследовании важные компоненты историографии – биографию историка, изучение его текстов и понимание культурно-исторического контекста, в котором развивалось это творчество. В этом заключается безусловная актуальность диссертационной работы Н.Н. Агеевой.

Н.Н. Агеева обратилась к данному комплексному подходу, сочетающему в себе достоинства источниковедческого, историографического и конкретно-исторического исследования, для того, чтобы осмыслить биографический феномен историка С.Ф. Фортунатова и на этой основе «проанализировать общественно-политические и социально-экономические условия формирования его мировоззрения и дать комплексную характеристику его научно-педагогической и общественно-публицистической деятельности» (с. 13).

Для достижения этой цели автор предлагает решить ряд задач, среди которых принципиальными являются следующие: 1) «воссоздать историю семьи Фортунатовых как важнейший фактор формирования мировоззрения С.Ф. Фортунатова», 3) «провести всесторонний анализ научно-педагогической деятельности С.Ф. Фортунатова, оценить его вклад в развитие российского образования и становление отечественной американистики»; 5) «определить место С.Ф. Фортунатова в коммуникативном пространстве московской интеллигенции конца XIX – начала XX вв.» (с. 14). В диссертации Н.А. Агеевой стираются грани между историографией, источниковедением и собственно историческим исследованием. Достижению цели и решению задач диссертационного исследования Н.Н. Агеевой соответствует подбор репрезентативной базы источников, при классификации которых диссертант продемонстрировала необходимую квалификацию (с. 14–22).

Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения и списка источников и литературы, а также – Приложений.

Во **Введении** (с. 3–28) обоснована актуальность темы (с. 3–4) и новизна исследования (с. 22–23), сформулированы объект и предмет (с. 4), хронологические и территориальные рамки (с. 4–5), цель, задачи исследования, выдвинуты на защиту 6 положений (с. 27–28). Именно они с приведёнными выше задачами исследования позволяют позиционировать диссертацию Н.Н. Агеевой по специальности 07.00.02 – Отечественная история. При этом историографический компонент исследования весьма значителен. Забегая вперёд, надо отметить, что все шесть положений, выносимых на защиту, в тексте диссертации получили полное обоснование. Эти положения, во-многом, сопрягаются с положениями новизны исследования (с. 22–23). Заявленные пункты новизны, действительно, подтверждают новаторский характер исследования Н.Н. Агеевой.

Диссертант представила источниковую базу, методологический инструментарий, и другие аспекты диссертационного исследования. В разделе Введения **«Методология и методы исследования»** (с. 23–27) много внимания уделено современным прикладным исследовательским практикам, проистекающим из теоретических изысканий в современной гуманитаристике – «казуальный подход» и концепт «человека второго плана» (с. 23–26). Н.Н. Агеева специально подобрала эти исследовательские модели для постижения феномена С.Ф. Фортунатова. Кроме того, диссертантом «использована совокупность общенаучных принципов системности, историзма, объективности, на которые опираются общеисторические, специально-исторические и конкретно-проблемные методы» (с. 26–27). Для каждого из них подобраны характеристики, позволяющие определить их использование при решении задач диссертационного исследования. Обращает внимание диссертант и на изучение конкретной биографии в контексте коммуникативных связей (с. 27). Чтение диссертации убеждает в том, что прописанные во Введении подходы, принципы, методы и методики задействованы в исследовании, квалифицированно отрефлексированы и представлены автором.

В **первой главе** «Становление личности и основные вехи жизненного пути С.Ф. Фортунатова» (с. 29–95) рассматриваются особенности личностного формирования С.Ф. Фортунатова. Автор диссертации анализирует три крупных личностнообразующих фактора на протяжении жизненного пути С.Ф. Фортунатова: семья, годы учёбы в Московском университете и профессиональная деятельность. Эти три точки наблюдения позволяют автору, почти что, визуализировать складывание личности С.Ф. Фортунатова. Краткое представление биографий отца, братьев и сестёр героя диссертационного исследования (с. 29–50) приводит читателя диссертации к выводу о том, что Фортунатов обречён был на деятельность на научном (гуманитарном) поприще (с. 50, 94). Крупными мазками Н.Н. Агеева, проявляя осведомленность в историографии Московского университета, рисует картину учебного процесса, в котором складывался С.Ф. Фортунатов как учёный (с. 50–76). Незримая конкуренция с П.Г. Виноградовым (с. 70), непростая судьба Новой истории (и, особенно, истории Соединённых Штатов Америки) в академических и университетских кругах России, смена поколений, когда старшие однокашники становились учителями, ярко продемонстрированная диссертантом на примере В.И. Герье (например, с. 65), оказавшего большое влияние на С.Ф. Фортунатова и др. – представлены диссертантом, когда она пишет историю жизни

своего героя. Вообще, по разным разделам диссертации фигуре В.И. Герье уделено очень большое внимание. И в данном случае диссертант продолжает и наращивает исследования своего научного руководителя доктора исторических наук Т.Н. Ивановой.

Завершая разбор первой главы диссертации Н.Н. Агеевой, надо отметить, что в ней прописан целый пласт смежных по теме исследования проблем истории науки и образования, интеллигенции, общественной мысли и общественного движения в России в XIX–начале XX в.

Сложные перипетии пребывания С.Ф. Фортунатова в магистратуре, запутанная его история со стажировкой за границей, формальные преграды для того, чтобы идти по проторённой тогда дороге историка и др. – существенно повлияли на своеобразии научного пути учёного. Оно выразилось в том, что Фортунатов, не имея формальных возможностей заниматься наукой, всё-таки пришёл к ней через преподавательскую деятельность в гимназиях, Высших женских курсах.

Во **второй главе** «С.Ф. Фортунатов как педагог и ученый» (с. 96–165), состоящей из трёх подглав (параграфов), диссертант разбирает педагогическую сторону деятельности С.Ф. Фортунатова и его научное наследие в области американистики и, как бы сказали сейчас, новистики – штудиях по истории стран Западной Европы в XVIII–XIX вв. Анализируя этапы педагогического труда С.Ф. Фортунатова, Н.Н. Агеева убедительно доказывает, что его предрасположенность к обучению молодёжи проистекала из семьи и, прежде всего, от его отца. Тот, к тому же, был и сторонником женского образования в России (с. 96–97). Другим источником влияния на становление педагога С.Ф. Фортунатова стал уже упоминавшийся В.И. Герье, имя которого связано и с развитием женского образования в России. Его педагогическое кредо, принципы которого были сформулированы Т.Н. Ивановой (см. ссылки в работе), воплотилось в преподавании С.Ф. Фортунатова (с. 97–98). Н.Н. Агеева убедительно это показала, анализируя тексты своего героя, посвященные вопросам преподавания в России вообще и преподавания истории в частности. Весьма интересны взгляды С.Ф. Фортунатова на учебник истории. Он должен был соответствовать уровню развития исторической науки и должен был быть понятен ученикам (с. 98–99). Если бы к этим требованиям было добавлено ещё одно: учебник истории является ещё и средством обучения, то подход С.Ф. Фортунатова соответствовал бы современному методическому взгляду на учебник истории для среднего образования. Отмечая взаимодополняемость преподавания С.Ф. Фортунатовым в гимназиях и в высших учебных заведениях, Н.Н. Агеева справедливо отмечает, что его педагогическая деятельность была делом всей жизни (с. 102).

Находкой автора диссертации стала периодизация педагогической деятельности С.Ф. Фортунатова в вузах (с. 102–109). Н.Н. Агеева определила для каждого из трёх периодов нагруженность конкретными читаемыми курсами, зависимость их взаимоотношений от преподавания в конкретном вузе, наличием тех или иных преподавателей – либо конкурентов, либо доброжелательных коллег. Подобно научному руководителю Т.Н. Ивановой, исследовавшей литографированные лекционные курсы В.И. Герье, Н.Н. Агеева изучила литографированные курсы лекций С.Ф. Фортунатова (с. 110–116). Их источниковедческий разбор существенно повысил информационную отдачу в плане изучения преподавательской деятель-

ности С.Ф. Фортунатова. Страноведческие курсы по новой истории Западной Европы и США С.Ф. Фортунатов, как показала диссертант, читал таким образом, что они звучали как курсы по истории и конституционного права, и идей демократии, и сбалансированного государственного устройства. Таким образом, С.Ф. Фортунатов транслировал близкие ему идеи о государственном устройстве. Так лишний раз объясняется феномен того, что вопрос преподавания Новой истории в России до 1917 г. был крайне злободневен.

Весьма удачным в диссертации стал параграф второй главы, посвященный американским исследованиям С.Ф. Фортунатова (с. 121–143). Н.Н. Агеева сначала дала экскурс в американоведческую историографию в России (с. 122–125). Он послужил основой для заявления в названии параграфа, что именно С.Ф. Фортунатов является основоположником американистики в России (с. 121). Ему удалось вывести стихийный интерес к США из публицистических очерков, страноведческих нарративов к полноценному научному постижению, которое вылилось и в ряд научных текстов, и в лекционные курсы. Другими словами говоря, С.Ф. Фортунатов определил направление развития научной традиции, снабдив её научными исследованиями, конвертируемыми в учебно-методический комплекс. Как следует из диссертации Н.Н. Агеевой, мощным двигателем научного поиска С.Ф. Фортунатова стала его симпатия к предмету исследования. И так уж получилось, что С.Ф. Фортунатов, не защитивший диссертацию, вошёл в науку и остался в ней своими политико-историческими исследованиями США. К сожалению, в советское время североамериканские штудии С.Ф. Фортунатова оказывались невостребованными и были лишь объектом критики, а потому не оказали должного влияния на развитие отечественной американистики.

С.Ф. Фортунатов был одним из пионеров изучения Западной Европы в XVIII–XIX вв. (с. 143–165). Его работы – научные и учебно-методические – позволили Н.Н. Агеевой представить заслуги С.Ф. Фортунатова в деле развития этого научного направления. Н.Н. Агеевой удалось показать, что применительно к освещению истории той или иной европейской страны С.Ф. Фортунатов использовал новейшие работы того времени. Так, для постижения Английской революции были задействованы труды А.Н. Савина, истории Франции – Алексиса де Токвиля, Олара, В.И. Герье, П.Н. Ардашева, Н.И. Кареева и др. Последний, вообще, стал основой для выстраивания лекционного курса по истории европейских стран XVIII–XIX вв. По этой причине лекционные нарративы С.Ф. Фортунатова надо классифицировать и как научные тексты.

Третья глава диссертационного сочинения Н.А. Агеевой посвящена общественно-политической деятельности С.Ф. Фортунатова (с. 166–219). Три параграфа этой главы позволили диссертанту выстроить трёхуровневую систему общественно-политической деятельности С.Ф. Фортунатова. В её основу положена система либеральных взглядов С.Ф. Фортунатова. Их формированию способствовало ещё детское знакомство со взглядами западников, а позднее – народническими воззрениями. Затем под влиянием либерального круга университетских преподавателей С.Ф. Фортунатов окончательно определяется с симпатиями либерализму. Н.Н. Агеева показывает, что либерализм С.Ф. Фортунатова был весьма укорененным, поскольку другим источником его стал предмет его научных занятий. Исто-

рия Западной Европы и США в Новое время стала неисчерпаемым кладезем примеров, фактов, событий и процессов, убеждавших учёного в истинности либеральных идей (с. 166–184). Особенно эти настроения усиливались в идеолого-политическом контексте Российской империи.

Рупором для трансляции либеральных ценностей стала периодическая печать (с. 184–198). Это – второй уровень системы общественно-политической деятельности С.Ф. Фортунатова. Диссертант проводит экскурс в историю периодической печати России второй половины XIX – нач. XX в. В ходе экскурса показано, что издания, где печатался С.Ф. Фортунатов, имели размытую грань между жанрами научного, культурно-просветительского и общественно-политического журналов. Квалифицированно и доказательно диссертантом был очерчен круг журналов и газет, где печатался С.Ф. Фортунатов, разобраны многие его труды. В них, опять-таки, проводилось историческое и страноведческое обоснование ценности либерализма. Благодаря публикационной деятельности, С.Ф. Фортунатов стал одним из центров коммуникативной сети московской интеллигенции.

Собственно месту и значению С.Ф. Фортунатова в коммуникативной среде московской интеллигенции посвящен третий параграф третьей главы (с. 198–217). Он логически завершает исследовательский блок всей главы. Следуя Ю. Хабермасу (с. 198), Н.Н. Агеева применительно к теме своего исследования следующим образом под «коммуникативным пространством московской интеллигенции» понимает «широкую сеть общественных связей, охватывавшую ученых, художников, писателей, учителей, общественных деятелей» (с. 198). И определяет её под-уровни. Одним из них стал Московский университет (с. 198). Он, во-многом, определял интеллектуальный климат Москвы. В нём сеть выстроилась таким образом, что под-уровнями можно считать коммуникации в профессорско-преподавательской среде, межпоколенческие (например, С.Ф. Фортунатов и В.И. Герье, Н.С. Попов, В.Ф. Буслаев др.) и внутр поколенные коммуникации. Университет поспособствовал и «плетению» кросс-культурных коммуникаций С.Ф. Фортунатова с культурно-политическими ценностями Великобритании и США. Определила Н.Н. Агеева и институции коммуникаций – «невидимый колледж», журфиксы (с. 199–200). Отмечает диссертант и тесноту слоя коммуникативной среды московской интеллигенции: везде, во всех местах – одни и те же лица (с. 200).

Этими исследовательско-методологическими лекалами диссертант пользуется при изучении конкретных жизненных коллизий С.Ф. Фортунатова, особенно-сям его общения с В.И. Герье, коллегами и младшими современниками (порой, учениками) В.О. Ключевским, Н.И. Кареевым, А.Н. Савиным, П.Г. Виноградовым, П.Н. Милюковым, А.А. Кизеветтером, М.М. Богословским, коллегой из гимназии Я.К. Барсковым, учениками (например, с М.О. Гершензоном) и др. То есть, автор диссертации упорядочивает нагромождение фактов и процессов коммуникативной среды интеллигенции Москвы, почёрпнутых их источников, прежде всего, личного происхождения. Так представляется чёткая картина сложных социокультурных событий в среде московских интеллектуалов. Место С.Ф. Фортунатова в ней определялось ещё и тем, что в горячие годы Первой русской революции он идейно был близок кадетам, но в их партии не состоял (с. 218). Это явление было обу-

словлено развитием московской (прежде всего, университетской) коммуникативной среды и личности С.Ф. Фортунатова в ней.

В **Заключении** (с. 220–226) Н.Н. Агеева представляет решение заявленных задач и подтверждает обоснование положений, вынесенных на защиту. Особо необходимо указать, что ценность проведённого Н.Н. Агеевой исследования заключается ещё и в том, что в оборот после необходимых научных процедур введён комплекс новых источников. Это обстоятельство открывает широкие горизонты для биографического исследования самого С.Ф. Фортунатова, а также его коллег и, вообще, духовной культуры России второй половины XIX–начала XX в. В Заключении Н.Н. Агеева предложила периодизацию жизни и общественной, научной, творческой деятельности С.Ф. Фортунатова (с. 220–223). Она справедливо отметила, что делом всей жизни учёного, педагога, просветителя и общественного деятеля стала американистика (с. 224). Выводы диссертации подкреплены авторской интерпретацией источниковедческих и историографических текстов.

Приложения к диссертации содержат основные даты жизни С.Ф. Фортунатова, библиографию его опубликованных работ и ряд иллюстраций. Приложения визуализируют исследовательский текст диссертации.

Автореферат содержит изложение основных положений диссертации. Диссертационная работа и автореферат написаны ярким, образным, ясным и в то же время научным языком.

Положительно оценивая диссертационное исследование, надо высказать ряд замечаний.

Замечания:

1. Небесспорной выглядит формулировка объекта и предмета исследования. В последнем случае более уместно смотрелась бы биография самого С.Ф. Фортунатова как факт истории науки и общественно-политической истории России второй половины XIX–нач. XX в. А эту историю тогда надо считать объектом исследования.

2. Историографический обзор, читаемый во Введении под названием «Степень разработанности проблемы» (с. 5–13), носит внешний характер упоминаний (типа, «об этом писал такой-то», «той или иной проблеме посвящены работы (труды)») и напоминает аннотированный библиографический обзор. Между тем, эта часть диссертации весьма ответственна, поскольку в ней можно было прописать исследовательские подходы, использованными учёными при решении проблем, без которого не было бы формулировки темы диссертации Н.Н. Агеевой. Эту принципиальную погрешность диссертант устранила, вынужденно в тексте глав проводить критическую историографию. Может быть, во избежание дублирования уместнее было бы сделать полноценную историографическую главу.

3. Принимая в целом использование концепта «человека второго плана», надо указать на чрезмерную увлеченность им автора диссертации. Нельзя с таким доверием относиться к тезису, что человек второго плана – это «незаурядная личность», которая своей деятельностью создаёт фундамент для взлётов и свершений гениев (с. 26). Как бы автор не отрекся от старой схемы «герой и толпа»,

приведённой трактовкой концепта «человека второго плана» он попросту даёт лишь усложнённый вариант этой схемы. Самой своей диссертацией Н.Н. Агеева отрицает прописанный во Введении концепт «человека второго плана». Где тот лидер, гений, питательную среду которому обеспечил своей деятельностью С.Ф. Фортунатов? И в этом случае куда отнести гениальность, незаурядность и качество «отца-основателя» самого С.Ф. Фортунатова (с. 225 – «незаурядная личность»)? Ведь он стал основоположником отечественной американистики, и только по иронии истории оказался на долгое время незаслуженно выведенным из поля внимания историографов и самих американистов (с. 225–226). Данное упущение исправимо, и залог тому – диссертация Н.Н. Агеевой. Упрощённый подход диссертанта к концепту «человека второго плана» не позволил увидеть две важные методологические проблемы.

Суть первой проблемы заключается в собственной внутренней логике исторического выбора и назначения на позиции лидера, человека «первого плана». Те же исторические деятели (в любой культурной области), которые незаслуженно не воспринимаются современниками, а потом и поколениями потомков главными, вдруг стремительно приобретают качество «главности» (с. 225–226). Другая проблема, над которой автор мог бы поразмышлять, – это проблема альтернативности в историографии. По какому пути могла бы пойти отечественная американистика, как бы она могла определить отношение к США в России, если бы вклад и наследие С.Ф. Фортунатова были бы своевременно актуализированы?

4.В параграфе первой главы диссертации, где представлена история семьи С.Ф. Фортунатова, вместо анализа влияния семейной атмосферы и жизненных стратегий родственников С.Ф. Фортунатова даны их биографические справки. Конечно, осведомлённый и искушённый в историографических и биографических процедурах читатель сам обоснует вывод автора, приведенный в заключениях параграфа и главы. Однако эта работа должна была быть проделана автором диссертации.

Содержащиеся в данном отзыве замечания не влияют на положительную оценку диссертации Н.Н. Агеевой. Содержание опубликованных автором работ отражает главные выводы диссертации. Материалы исследования могут быть использованы при написании монографий, учебников и учебных пособий по истории, источниковедению и историографии научного и публицистического творчества С.Ф. Фортунатова и всех представителей семейного «гнезда» Фортунатовых, истории общественной мысли и исторической науки в России, в специальных курсах. Н.Н. Агеевой подготовлено квалифицированное комплексное исследование.

Актуальность и новизна исследованной проблемы, практическая значимость полученных результатов, научная обоснованность сделанных выводов по главам и в Заключение позволяют с полным основанием утверждать, что диссертационная работа «Научно-педагогическая и общественно-публицистическая деятельность С.Ф. Фортунатова в конце XIX – начале XX вв.» отвечает требованиям, предъявляемым к диссертациям на ученую степень кандидата исторических наук; автореферат соответствует содержанию диссертации. Список публикаций Н.Н. Агеевой, приведённый в автореферате, включает 13 статей. Все они, в том числе и

5 статей, опубликованных в ведущих рецензируемых научных журналах, определенных ВАК при Минобрнауки России, представляют собой публикацию основных научных результатов диссертации. Диссертационное исследование Н.Н. Агеевой является самостоятельной, единолично сделанной работой.

Диссертация Н.Н. Агеевой соответствует паспорту научной специальности 07.00.02 – «Отечественная история», являясь комплексным исследованием личностной, научной, политико-общественной и культурно-просветительской биографии С.Ф. Фортунатова во взаимосвязи составляющих ее элементов и факторов развития исторической науки, общественной мысли в России. Все части диссертации взаимосвязаны между собой достижением единой цели и решением задач исследования. Выводы и положения, вынесенные на защиту, соответствуют поставленным целям и задач исследования. Оно направлено на изучение и репрезентацию биографии С.Ф. Фортунатова (п. 17 Паспорта научной специальности 07.00.02 – Отечественная история) в контексте интеллектуальной истории России второй половины XIX - начала XX в. (пп. 6, 22 Паспорта научной специальности 07.00.02 – Отечественная история), существенно дополняет общую картину общественно-политического культурного развития России в указанный период (п. 12 Паспорта научной специальности 07.00.02 – Отечественная история), вносит вклад в практики изучения истории семьи (п. 20 Паспорта научной специальности 07.00.02 – Отечественная история).

Диссертация «Научно-педагогическая и общественно-публицистическая деятельность С.Ф. Фортунатова в конце XIX – начале XX вв.» представляет собой научно-квалификационную работу, которая соответствует критериям, установленным Положением о присуждении ученых степеней, а Агеева Наталья Николаевна заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – «Отечественная история».

10.02.2016

Д.и.н., доцент, проректор
по учебной и воспитательной работе,
заведующий кафедрой истории средневековых цивилизаций
Нижегородского государственного
университета им. Н.И. Лобачевского

А.А. Кузнецов

Сведения об авторе отзыва:

Автор отзыва: доктор исторических наук, доцент Кузнецов Андрей Александрович

Место работы: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского».

Должность: проректор по учебной и воспитательной работе Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, заведующий кафедрой истории средневековых цивилизаций.

Почтовый адрес: 603950, Нижний Новгород, ул. Гагарина, д. 23.

Тел. (831) 462-30-02.

E-mail: nalbuz@mail.ru